

УДК 338.23;339.97

ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ СЕКТОРА КУЛЬТУРЫ (НА ОСНОВЕ ОПЫТА ЕС)

Морева Евгения Львовна, канд. экон. наук, заместитель директора Института промышленной политики и институционального развития, доцент Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия
ELMoreva@fa.ru

Предметом настоящей статьи является анализ накопленного опыта и современных подходов Евросоюза к управлению сектором культуры в целях повышения его социально-экономической эффективности, а также формирования для этого подходящих инструментов. При исследовании использовались общенаучные методы и специальный экономический инструментарий. В результате сделан вывод о том, что, несмотря на объективные трудности в оценке эффективности культурного сектора и управления его, развитие регионального управления сектором культуры дало возможности частично преодолеть проблемы благодаря использованию общих и специальных инструментов управления сектором. Показано, что разработанный для региона специальный инструментарий может быть адаптирован для отечественных условий и использован в целях повышения социально-экономической эффективности сектора культуры в нашей стране и ее партнерах по региону.

Ключевые слова: культурная политика; сектор культуры; социально-экономические эффекты культуры; эффективность культурной политики; инструменты культурной политики; европейская культурная политика; программа «Креативная Европа».

Tools to Control the Socio-Economic Efficiency of the Cultural Sector (based on EU experience)

Moreva Evgenia L., PhD (Economics), Deputy Director of the Institute for Industrial Policy and Institutional Development, associate professor of the Corporate Finance and Corporate Governance Department, Financial University, Moscow, Russia
ELMoreva@fa.ru

The subject of the paper is the analysis of the experience gained by the European Union in the cultural sector management and modern approaches thereto with the purpose to enhance the socio-economic performance of the sector and develop appropriate tools. General scientific methods and special economic analysis tools were used in the research. It is concluded that despite the objective difficulties in assessing the cultural sector performance and its management efficiency, the development of the regional control of the cultural sector made it possible to partially overcome the above difficulties by using general and special management tools. It is shown that special tools developed abroad for the regional use can be adapted to domestic conditions and used to enhance the social and economic performance of the cultural sector in Russia and its regional partners.

Keywords: cultural policy; cultural sector; socio-economic effects of culture; cultural policy efficiency; cultural policy tools; European cultural policy; Creative Europe program.

Значение культурного сектора на развитие экономики

В современную эпоху динамичного цифрового глобализированного мира культуру стали признавать драйвером общественно-экономического развития, действующим через формирование общности людей и их объединений на основе специфических способов передачи информации и смыслов, что задавало им общность поведения и установок и благотворно воздействовало этим на развитие экономики и общества [1–3]¹.

Особое значение при этом придавалось культурной деятельности, сконцентрированной в специализированных организациях, составляющих сектор культуры². К настоящему времени его масштабы стали оценивать примерно в 3% мирового ВВП и порядка 30 млн рабочих мест. Но, помимо качеств, присущих всякому экономическому сектору, у сектора культуры выделяли особенности, обусловленные спецификой его воздействия на людей благодаря сосредоточению в культурной деятельности творческих начал, которые оказались особенно востребованными в современном мире. Отсюда — повышенные темпы роста самого сектора, его стимулирующее воздействие на остальную экономику и активизацию инноваций, а также на иные социальные связи, общественно-экономическое развитие государств в целом. Неслучайно в период рецессии мирового хозяйства второй половины 2000-х — начала 2010-х гг. сектор культуры удвоил свои обороты³.

Закономерными стали рост интереса к сектору культуры со стороны государства, стремление правительств разных стран и региональных властей стимулировать его развитие и интенсифицировать социально-экономические эффекты, т.е., по сути, повышать его социально-экономическую эффективность [4]. Среди тех, кто накопил значительный опыт в этой области и в числе первых в мире поставил в государственной политике подобные задачи, были страны ЕС.

¹ Сайт Compendium. URL: <http://www.culturalpolicies.net/web/socio-economic-impact-of-culture.php> (дата обращения: 30.08.2017); Сайт ЮНКТАД. URL: <http://unctad.org/en/pages/PublicationArchive.aspx?publicationid=946> (дата обращения: 30.08.2017).

² В настоящей статье термины «культура» и «культурный сектор» использовались как синонимы, если не оговаривается иное.

³ Сайт ЕС. URL: http://ec.europa.eu/culture/library/studies/access-finance_en.pdf (дата обращения: 30.08.2017).

Социально-экономические эффекты сектора культуры в ЕС и инструментарий управления им

Повышение роли сектора культуры в социально-экономическом развитии ЕС объяснялось следующими факторами.

С одной стороны, этот сектор занимал важное место в экономике региона, обеспечивая 4,2% его ВВП (2014 г.), более 8 млн рабочих мест и высокие темпы роста. Средняя доходность многих культурных сегментов составила значительную величину порядка 9% в год, варьируясь от 5 до 10% [5].

С другой стороны, он являлся своеобразным способом активизации бизнеса и инноваций, в отношении которых Европа сталкивалась с серьезной конкуренцией со стороны нынешних и потенциальных соперников: США, Южной Кореи, Японии и в перспективе Китая. Поэтому, ставя задачи по упрочению своего лидерства на международной арене, в ЕС закономерно обращались к культуре. С развитием сектора культуры европейцы связывали ожидания появления целого спектра социально-экономических эффектов [6–8]. Среди них особый интерес для европейских властей представляли:

- общее повышение активности социально-экономических субъектов;
- развитие у них когнитивных способностей и склонности к межкультурному общению;
- заинтересованное отношение к новым незнакомым идеям и творчеству, в том числе в хозяйственной деятельности;
- совершенствование умений работать с повышенными рисками и в условиях неопределенности;
- активизация инноваций, укрепление институтов авторского права и на этой основе развитие производства (в связи с этим специально выделялась специальная группа производств, которые иногда назывались креативными индустриями), например туризм;
- стимулирование экономического роста, особенно малого и среднего бизнеса, и повышение занятости населения;
- улучшение экологичности производств и повышение социальной ответственности хозяйствующих субъектов микро- и макроуровней, а также стабильности воспроизводства разных социальных групп общества

(благодаря признанию культурных особенностей национальных меньшинств, преодолению ксенофобии, эффективной интеграции в общественную жизнь инвалидов, беженцев и других групп);

- укрепление и рост взаимовыгодного международного сотрудничества на основе развития межкультурного диалога, например международного туризма, а также усиление инклюзивного характера действий субъектов межнациональных связей и укрепление мирного взаимодействия между ними на основе уважения прав человека⁴.

Для усиления этих эффектов региональные власти задействовали специальный экономико-политический инструментарий — культурную политику. Ее анализ, в том числе с позиции результативности, мог бы быть полезным отечественным исследователям и практикам как с точки зрения ознакомления с накопленным в Европе опытом, так и для совершенствования управления развитием собственного сектора культуры, роста его эффективности, а также оптимизации подобных усилий в рамках евразийской интеграции в целом и постсоветского пространства в частности.

На уровне ЕС такая политика начала проводиться с первых годов нынешнего столетия, когда вопросы нового управления сектором культуры заняли важное место в региональной экономико-политической тематике и проблемы целенаправленного и эффективного влияния на него выдвинулись на первый план. Такое функциональное предназначение культуры позволяло рассматривать всю культурную политику в качестве комплексного инструментария управления сектором культуры, включая его социально-экономическую эффективность.

Основные инструменты управления сектором культуры ЕС. Новая культурная политика региона

Системно подходу к формированию нового курса, власти определяли его цели и задачи, уточняли уполномоченных субъектов, средства реализации и подходы к его оценке.

Обосновывая региональный характер такой политики, власти связывали его с необходимостью дать коллективный ответ на общие вызовы, с которыми столкнулись все члены ЕС. Среди них выделяли последствия развития цифровых технологий для региона: необходимость придать динамизм его экономике, активизировать в нем инновации, усилить инклюзивность общества и обеспечить устойчивое развитие, для чего требовалось обратиться к культуре.

Принятие мер в ответ на эти императивы вменялось прежде всего Европейской комиссии (далее — ЕК), уполномоченной разрабатывать и проводить новую культурную политику.

Обладая комплексным характером и затрагивая разные уровни общественно-экономической системы региона, наднациональное управление тесно сочеталось с межнациональными усилиями в ЕС, которые называли «методом открытой координации». Широко используемый на межгосударственном, микрорегиональном и локальных уровнях (еврорегионов, городов и других структур) этот метод включал взаимный обмен передовым опытом и достижение согласия сторон в понимании общих проблем их культур, при принятии совместных решений и их реализации, а также взаимные обучение и обмен успешным опытом.

Кроме того, для решения отдельных вопросов культурной политики власти инициировали создание специальных межнациональных рабочих групп, которые организовывали тематические семинары, форумы, неформальные встречи руководителей разных уровней и других стейкхолдеров.

Определяя в процессе своей работы основные институциональные нормы регионального развития культуры, они прежде всего руководствовались региональными стратегиями, планами и программами. Основой для этой политики стал принятый в 2007 г. специальный документ программного характера *European Agenda for Culture*. С его вводом в действие было положено начало изменению прежней культурной политики и развитию кооперации между национальными субъектами в разработке и реализации новой [9].

Продолжением такого подхода и способом его интеграции с другими европейскими институциональными инструментами развития региона стала региональная стратегия *EUROPE2020* (далее — Стратегия), действующая с 2010 г. и пред-

⁴ Сайт ЕС. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1465397367485&uri=JOIN:2016:29:FIN> (дата обращения: 30.08.2017).

усматривающая, среди прочих направлений, установки на лучшее использование культуры для развития бизнеса региона. В Стратегии отмечалось, что, сохраняя одни лишь прежние формы предпринимательства (*business as usual*), Европа рисковала отстать от мировой экономики и переместиться на второй план в международной жизни⁵. Для предотвращения такого негативного сценария у бизнеса требовалось развивать новые качества, обуславливаемые в том числе культурой: креативность, мобильность, динамизм. Неслучайно поэтому, что европейские культурные ценности и их многообразие рассматривались в Стратегии в числе сильных сторон региона, которые следовало эффективно использовать в его социально-экономической политике.

Очередным новым инструментом управления процессами освоения экономического потенциала культуры стало принятие региональных рабочих планов по культуре, координирующих действия в этой области со стороны региональных и национальных властей. В первом из них, плане на 2011–2014 гг., предполагалось совместное участие региональных и национальных властей по каждому из установленных приоритетных направлений действий: сохранению и развитию культурного наследия и многообразия отдельных сегментов сектора культуры, профессиональных навыков и мобильности; повышению роли культуры во внешних связях и совершенствованию статистики культуры. Во втором рабочем плане, на 2015–2018 гг., состав и структура приоритетов культурной политики были изменены, и участие региональных властей предусматривалось в двух из четырех приоритетных сферах. Но в содержательном плане они остались прежними.

Вместе с тем по своему характеру предусмотренные в этих планах мероприятия в значительной степени ограничивались проведением разного рода аналитических исследований по выявлению наилучших практик, разработкой стандартов предоставления данных и информации, а также коллективными дискуссиями и организацией разного рода информационных и консультационных структур.

Новым важным инструментом организационно-финансового характера достижения поставленных целей стала принятая в 2011 г. и рассчитанная на 2014–2020 гг. программа «Креативная Европа». На ее выполнение выделялось 1,46 млрд евро, и с ее реализацией руководство ЕС связывало существенное снижение, если вовсе не ликвидацию сложившегося разрыва между потребностями и возможностями финансирования сектора культуры (особенно, его мелких и средних компаний), который специалисты оценивали в 1,1–1,9 млрд евро ежегодно на протяжении 2014–2020 гг.⁶

Непосредственное финансирование культурой при этом осуществлялось через подпрограмму *Culture*, основными направлениями которой являлись:

- укрепление международных связей, на что отводился 31% всех средств по программе (особенно сегментам кинематографии, телевидению и производству разного рода игр);
- расширение и развитие аудитории культуры, в том числе навыков использования цифровых технологий (28% средств);
- разработка предпринимателями новых бизнес-моделей (41% средств).

Другим важным инструментом финансирования были гарантии и контргарантии, которые с 2016 г. начали предоставлять ЕК и Европейский инвестиционный фонд для долгового финансирования малого и среднего бизнеса сектора культуры. Такие гарантии позволяли привлечь свыше 600 млн евро банковских кредитов в более чем 10 тыс. малых и средних предприятий сектора, повышая, таким образом, его конкурентоспособность и обеспечивая его рост и получение других социально-экономических эффектов.

Еще одним инструментом финансирования культуры, используемым в рамках программы, стали средства региональных структурных и инвестиционных фондов для различных комплексных проектов, тесно связанных с культурой. К ним, например, относились проекты развития предпринимательства и креативности; расширения производств компьютерных игр, обмена опытом и обучения. Правда, в этом случае обращение к куль-

⁵ Сайт ЕС. URL: <http://ec.europa.eu/research/era/docs/en/ec-understanding-era-13.pdf> (дата обращения: 30.08.2017).

⁶ Сайт ЕС. URL: http://ec.europa.eu/culture/library/studies/access-finance_en.pdf (дата обращения: 30.08.2017).

туре было увязано с достижением собственных задач фондов и их институтов, чья направленность не всегда совпадала с целями развития сектора. Поэтому в данном случае сопровождающее эти проекты повышение социально-экономической эффективности культуры выступало в качестве косвенного результата такого финансирования.

Схожее влияние на культуру оказывали и другие, инфраструктурные по отношению к ней, региональные программы: *Horizon 2020* — для финансирования НИОКР и инноваций (80 млрд евро); *ERASMUS+* — для поддержки образования, тренингов и инноваций (14,7 млрд евро); *COSME* — для повышения конкурентоспособности малого и среднего бизнеса и ряд других.

Аналогичные функции выполняли и некоторые международные программы, не относящиеся к числу наднациональных. Примером тому стала Платформа культурной дипломатии (2016 г.), созданная для оказания консалтинговых услуг, проведения тренингов и развития сетевых структур. Под руководством консорциума национальных государственных институтов культуры и других организаций она помогала улучшать координацию действий разных стейкхолдеров европейской культуры.

Составить количественное представление о функционировании указанных инструментов позволяло информационное обеспечение культурной политики. Масштабы и значение усилий по его организации и практической реализации позволяли рассматривать их в качестве самостоятельного инструмента регионального управления сектором культуры.

Этот инструмент, в свою очередь, в процессе своего функционирования претерпевал существенные усовершенствования. Так, на основе обобщения наработок национальных субъектов управления культурой в регионе готовили специальные обзоры, называемые «картами», в которых обобщались практики разные национальных и локальных политических действий, выделяя среди них наилучшие. Карты составлялись по отдельным направлениям культурной политики: стратегиям повышения культурной грамотности, развития сетевых структур в секторе, организации разного рода платформ и т.п.

Для повышения эффективности использования такой информации карты стали дополняться

аналитическими материалами. Наглядным примером тому был Справочник форм проявления культуры и осведомленности о них, составленный под эгидой Директората ЕК по результатам исполнения рабочих планов в сфере культуры и с рекомендациями на будущее. В свою очередь, его продолжением стал промежуточный контроль за ходом выполнения рабочих планов по культуре, а также сделанные на его основе выводы и рекомендации.

Задаче повышения результативности работы с информацией о культуре соответствовала и организация специальных центров для ее распространения и актуализации. К ним, например, относились библиотека и центр электронных ресурсов и тренингов Директората Еврокомиссии. Выступая в роли специфического инструмента культурной политики, эти структуры аккумулировали разные тематические справочные материалы, издания по информационному менеджменту в компаниях, управлению знаниями и т.п.

Важным направлением информационного обеспечения управления культурой традиционно была статистическая работа. Несмотря на предпринимаемые усилия и глубокие исторические корни (первые инициативы в сфере статистики культуры были сделаны еще в середине XX в.), совершенствование статистики сектора не переставало оставаться в числе самых насущных задач. Среди новых востребованных в настоящее время направлений, слабо отраженных в современной статистике, европейские власти считали учет формирующихся цепочек создания стоимости с участием организаций различных сегментов культуры, краудфандинг в секторе и некоторые другие.

В попытках преодолеть указанные трудности органы регионального управления сотрудничали с разными стейкхолдерами и опирались на прежние наработки, в том числе сделанные до перехода к новой культурной политике. Примером тому стала работа с созданным еще в 1998 г. с участием представителей, специалистов и организаций из более чем 40 стран Европы, центром по вопросам культурной политики и тенденций развития культуры *Compendium*. Сегодня он признан обладателем уникальной системы сбора и мониторинга информации по культурной политике, позволяющей проводить межнациональные сравнения по ряду ее направлений.

Проблема определения эффективности культурной политики ЕС и разработка специальных инструментов управления ею

Несмотря, однако, на попытки заложить в культурной политике системный подход, оценить ее эффективность, если выходить за рамки общих соображений функциональной направленности, непросто. Такие действия объективно затруднялись политической спецификой применяемого инструментария и особенностями объекта его воздействия. Так, преимущественно неовещественный и во многом субъективизированный характер культуры препятствовал выявлению и систематизации предпочтений индивидов в отношении сектора культуры, определению расходов «на входе» в него и результатов «на выходе». Ситуацию усугублял комплексный характер политических действий, который, как правило, делал невозможным однозначно соотносить между собой издержки и результаты применения того или иного инструмента культурной политики.

В этих условиях определенным паллиативом казалось обращение к ключевым показателям эффективности (*KPI*), которые власти широко применяли при разработке и мониторинге разных политических курсов. Однако на деле это не помогало решить проблему. Ведь сами по себе они не задавали содержания главным показателям или признакам, по которым их можно было бы выделить. А значит, *KPI* не позволяли судить об эффективности культурной политики. Это признавали и аналитики, когда отмечали необходимость закладывать в ключевые показатели информацию о механизмах или «схемах» реализации того или иного политического воздействия и необходимых для этого соответствующих данных [10].

Более результативным подходом выглядело обращение к эффективности с позиции «дефиниции с открытым ответом» (*open-ended definition*) как степени достижения ожидаемого эффекта при разумных издержках [11]. Такой подход выигрывал не только по сравнению с ключевыми показателями, но и с другими трактовками эффективности, которые предлагались для культурной политики. В них эффективностью предлагали считать как своевременное предоставление ресурсов по наилучшим ценам, в необходимом количестве

и с наилучшим качеством, либо просто как достижение результатов определенного количества и качества. В сопоставлении с последними первый подход выглядел более полным, так как учитывал соотношение затрат и результатов и не противоречил определениям эффективности в связанных политических сферах, например в финансовой политике. Там ее формулировали как наилучшее соотношение между используемыми ресурсами и достигаемыми результатами⁷.

Предложенное определение позволяло решать и проблему измерения культуры как феномена неовещественной природы, для чего можно было использовать балльные и маргинальные величины. Они, например, подходили для оценки таких результатов культурной политики, как изменения возможностей и способностей субъектов культуры, ее «базового промежуточного эффекта» (*core intermediary effect*), производимого в целях последующего использования на производстве, а также изменений «на входе» затрат неовещественного типа; для определения соотношения этих изменений («на входе» и «на выходе»); их сопоставления с затратами и результатами альтернативных действий в рамках тех же или иных проектов культурной политики.

В свою очередь это открывало возможность использовать богатый арсенал численных методов типа затраты-эффективность многокритериального принятия решений, затраты-полезность (польза) и т.п. Тем самым можно было получать более-менее объективную информацию для суждений об эффективности тех или иных действий культурной политики.

Вместе с тем предложенное решение имело и некоторые ограничения. Так, опыт ЕС показал, что далеко не всегда оказывалось возможным точно и полно определять все результаты и издержки воздействия на культуру; выделять из сложных комплексов предпринимаемых усилий те, которые касались лишь культуры.

Это заставляло признавать невозможность устанавливать эффективность культурной политики полностью. Решением этой проблемы стали набор критериев для определения границ таких возможностей и свод условий, позволяющих сде-

⁷ Сайт ЕС. База данных законодательных актов ЕС. URL: <http://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 30.08.2017).

лать вывод о пределах выявления эффективности тех или иных политических курсов в культурной сфере.

В число таких критериев входили:

- наличие альтернатив для сопоставления того или иного политического проекта;
- возможность точно выявлять его затраты и эффекты;
- достоверность и своевременность получаемой информации.

Исходя из этого и опираясь на известную модель М. Паленберга, рядом экспертов была составлена классификация ситуаций, позволяющих получить всю или часть необходимой для определения эффективности культурной политики информации, и предусмотреть соответствующие подходы к ее исчислению [12]. Среди них выделялись:

1) подход 0-го уровня, который рекомендовалось применять к отдельным мероприятиям непрограммного характера (разного рода символическим акциям типа актов поддержки и т.п.), чтобы составлять некое представление об их эффективности. В силу уникальности этих акций определять полностью их затраты и результаты оказывалось невозможно, что существенно ограничивало, если вообще допускало, оценку их эффективности;

2) подход 1-го уровня, который позволял получать большее представление об эффективности, так как относился к случаям, когда можно было определять издержки на единицу результата, пусть даже без возможности их сопоставления с какими-либо альтернативами. Его рекомендовалось применять в случае, если результаты соответствующей культурной политики воплощались в овеществленной типической форме (например, как число читателей художественного произведения; зрителей фильма и т.д.).

3) подход 2-го уровня, который рекомендовался для оценки изменения поведения субъектов культуры в ответ на управляющее воздействие или для учета мнений самих этих субъектов об изменениях в них благодаря такому воздействию. Примерами служили организация тренингов, курсов переподготовки и т.п., результаты которых оценивались по числу выпускников. При этом возможность сопоставлять получаемые от принятых мер эффекты и затраты на них с альтернативными

вариантами подобных мероприятий позволяла составлять вполне определенное представление об их результативности;

4) подход 3-го уровня, который следовало применять к ситуациям, когда управляющее воздействие давало разнообразные и многочисленные эффекты овеществленного характера и их можно было вычислить, подразделяя поставленные для их достижения цели на более частные, а действия — на ориентированные на достижение той или иной задачи. Эти ситуации были характерны для различных подпрограмм крупных многосторонних проектов кооперативного характера, партнерств, сетей и т.п.;

5) подход 4-го уровня, который годился для случаев, когда управляющее воздействие имело различные и по большей части неовещественные эффекты, явно соотносившиеся лишь с общими целями программы (целями более высокого уровня), а альтернативные случаи были редки или не существовали вовсе. (Подобные ситуации встречались в программах международного сотрудничества.) Тогда для определения эффективности рекомендовалось сопоставлять действия и результаты по проекту с положением до его принятия или с тем положением, которое могло бы сложиться при отсутствии такого проекта [11, 13].

Сопоставление представленного перечня случаев с практикой европейской культурной политики, содержащееся в упомянутом исследовании, показывало, что они были адекватны европейскому опыту и позволяли использовать рекомендуемые при этом подходы для исчисления эффективности политических действий.

Привлекательность данного перечня объясняется также тем, что он позволял весьма четко различить направления, подходящие для исчисления эффективности, и делать это так точно, насколько это возможно. Кроме того, при его применении открывались перспективы усовершенствования самой культурной политики, адаптируя отдельные политические действия и проекты к той или иной ситуации, повышая таким образом их эффективность.

Вместе с тем данный перечень допускал возможности собственной трансформации и преобразования по мере появления новых теорий и методов исчисления эффективности, накопления данных об условиях реализации культурной

политики, а также появления новых политических инициатив.

Указанные обстоятельства служили основанием считать предложенный инструмент специальным инструментом управления эффективностью сектора культуры и культурной политикой, первым в своем роде, отличающимся от ранее перечисленных инструментов, которые выполняли указанную специальную функцию не полностью.

К числу особо перспективных характеристик этого специального инструмента относились его практическая применимость, гибкость и возможность совершенствования. Последняя, в частности, позволяла намечать перспективу его качественной трансформации в направлении преодоления ограниченности предметной сферы его применения рамками самого сектора культуры, т.е. без учета социально-экономических эффектов последнего, их исчислимости и механизмов реализации. При условии осуществления таких доработок этот перечень можно было бы

превратить в новый специальный инструмент управления социально-экономической эффективностью всего сектора культуры, а не только культурной политики.

При этом и в таком новом качестве он сохранял бы важные черты универсальности, т.е. пригодности к адаптации в разных национальных и региональных условиях. Это делало бы его привлекательным для использования не только для оценок и оптимизации культурной политики ЕС и обеспечения социально-экономической эффективности регионального сектора культуры, но и, например, в России и/или на постсоветском пространстве, где, насколько позволили судить имеющиеся данные, такой политики и подходов к оценке эффективности не применялось. Такие действия могли бы существенно помочь не просто усилить инновационную активность и другие социально-экономические объекты воздействия культуры, но и оптимизировать политические усилия для достижения этих целей.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Flew T. *Creative Industries: Culture and Policy*. UK, SAGE Publications, 2012, 234 p.
2. Terry Flew. *Global Creative Industries*, Cambridge, UK: Polity, 2013, 216 p.
3. *The Routledge Companion to the Cultural Industries*. EDS K. Oakley, J. O'Connor USA, Routledge, 2015, 575 p.
4. Duxbury N., Hosagrahar J., Pascual J. *Why must culture be at the heart of sustainable urban development?* Spain, United Cities and Local Governments, 2016, 36 p.
5. *Creating growth: Measuring cultural and creative markets in the EU*. European Grouping of Societies of Authors and Composers, EU, EY, 2014, 100 p.
6. *Cultural and creative spillovers in Europe: Report on a preliminary evidence review*. UK, Arts Council England, 2015, 60 p.
7. Clammer J. *Culture, Development and Social Theory: Towards an Integrated Social Development*. London/New York: Zed Books, 2014, 304 p.
8. MacDowall L., Badham M., Blomkamp E., Dunphy K. *Making Culture Count: The Politics of Cultural Measurement (New Directions in Cultural Policy Research)* UK, Palgrave Macmillan, 304 p.
9. Fischer R., Figueira C. *Revisiting EU Member States' international cultural relations*. EU, EUNIC Yearbook 2011, p. 44.
10. *Measuring the Immeasurable: Integrating Quality of Life Measures into Social Cost-Benefit Analysis*, Ecorys Research Programme, EU, Ecorys UK Ltd, 2011, 20 p.
11. Leeuw F., Vaessen J. *Impact Evaluations and Development NONIE Guidance on Impact Evaluations USA*, NONIE, 2009, 148 p.
12. Palenberg M. *Tools and Methods for Evaluating the Efficiency of Development Interventions. Evaluation Working Papers*. Bonn: Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung, 2011, 117 p.
13. Canoy M., Rampton J., Sennett J., Gossett M. *Study on Cost-Effectiveness of Education and Culture Spending Programmes Final Report for the European Commission DG Education and Culture*, EU, Ecorys UK Ltd, 2013, 87 p.